

Оганнисян Оганнес Ваагович

ДОГМАТИЧЕСКИЕ СПОРЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ 60-70-Х ГГ. IV ВЕКА

В статье рассматриваются особенности тринитарных споров 60-70-х гг. IV века. Подчеркивается, что тринитарные догматические фракции эпохи, пытаясь разъяснить тайну единосутия Бога Отца и Логос-Сына, пользовались особым философско-богословским языком, отличающимся своеобразием. Автор рассматривает главные тринитарные понятия и сравнивает способы их употребления разными богословскими фракциями. На основе системного анализа церковно-исторического материала показывается, что конкурирующие догматические партии исследуемой эпохи размежевались в понимании основополагающих тринитарных терминов "?????" и "?????????" и в основном употребляли эти термины в качестве антиподов, в чем и заключалась сложность интерпретации тринитарных вопросов эпохи. Высказано мнение, что в 60-70-е гг. IV века фундаментальное значение имели Александрийский собор 362 г. и Антиохийский собор 363 г., благодаря решениям которых был сделан решающий шаг в процессе уяснения и формулирования тринитарного догмата о единосутии Бога Отца и Иисуса Христа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 118-121. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.41

Философские науки

В статье рассматриваются особенности тринитарных споров 60-70-х гг. IV века. Подчеркивается, что тринитарные догматические фракции эпохи, пытаясь разъяснить тайну единосутия Бога Отца и Логос-Сына, пользовались особым философско-богословским языком, отличающимся своеобразием. Автор рассматривает главные тринитарные понятия и сравнивает способы их употребления разными богословскими фракциями. На основе системного анализа церковно-исторического материала показывается, что конкурирующие догматические партии исследуемой эпохи размежевались в понимании основополагающих тринитарных терминов «ὁμοία» и «ὁμοουσις» и в основном употребляли эти термины в качестве антиподов, в чем и заключалась сложность интерпретации тринитарных вопросов эпохи. Высказано мнение, что в 60-70-е гг. IV века фундаментальное значение имели Александрийский собор 362 г. и Антиохийский собор 363 г., благодаря решениям которых был сделан решающий шаг в процессе уяснения и формулирования тринитарного догмата о единосутии Бога Отца и Иисуса Христа.

Ключевые слова и фразы: тринитарное богословие; поместные Соборы; иносущие; родство по сущности; единосутие (ὁμοούσιον); сыновство; сущность (οὐσία); ипостась (ἰποστάσις); омиусиос (ὁμοιοῦσία).

Оганнисян Оганнес Ваагович, к.и.н., доцент
Ереванский государственный университет
hovhannisyan.hovhannes@ysu.am

ДОГМАТИЧЕСКИЕ СПОРЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ 60-70-Х ГГ. IV ВЕКА

60-е гг. IV века ознаменовались, в первую очередь, завершением тридцатипятилетней истории посленикейских тринитарных споров. Для данного исторического периода характерно, что посленикейские тринитарные учения, символы веры или формулы вероисповедания не могли добиться превосходства внутри Церкви. В результате в церковной практике были признаны те догматические решения, в которых сочетались приемлемые с разных теологических позиций догматические принципы.

В отличие от религиозной политики, проводимой в 40-50-е гг. IV века, в 60-е гг., в период правления императоров Иовиана и Валентиниана, первоочередной была провозглашена толерантная религиозная политика, благодаря которой никейцы тоже смогли свободно осуществлять свою деятельность. Вследствие этого на христианском Западе антиникейцы лишились поддержки, и «ослабилась взаимная недоброжелательность» догматических течений [1, с. 123-124]. Иная ситуация была на христианском Востоке, где религиозная толерантность не могла играть большую роль, так как в византийской части империи первоочередную важность имел императив сохранения целостности страны, обусловивший консолидирующую деятельность политической власти.

В 60-е гг. IV века политическая элита империи отказалась от проводимой ранее религиозной политики. Хотя практика вмешательства государственной власти в церковную жизнь полностью не исчезла, однако, в отличие от 30-50-х гг. IV века, подобное вмешательство резко уменьшилось. В результате получили возможность сравнительно свободной деятельности различные теологические течения эпохи, и впервые в посленикейской церковной истории решение догматических спорных вопросов стало внутренним делом Церкви. Пережило упадок радикальное антитринитарное богословие аномеев, а другие оппозиционные тринитарные течения, расколовшись, пополняли ряды либо никеанства, либо тринитарного богословия омоусиан. Вместе с тем еще оставался актуальным вопрос уточнения триадологических терминов, игнорирование которого было «одинаково опасным как для церкви, так и для государства» [5, с. 453].

Процессу регулирования внутренней жизни Восточной церкви препятствовало то, что в кругах конкурирующих догматических партий «не было ни одной, которая по своей численности, внутреннему единству и моральной силе могла бы составить естественный оплот для церковного мира. И, тем не менее, каждая стремилась к исключительному преобладанию над другими» [Там же, с. 452-453]. С целью предотвращения новых расколов правители Востока, основываясь на поддержке влиятельного церковного большинства, вмешивались, а иногда и направляли догматические споры, продолжившиеся между тремя влиятельными течениями: никейцев, подобносущников (омоусиан) и подобников (омии). Для объединения на основе православия от последних требовалось много усилий.

Аномеи, несмотря на поддержку императоров Юлиана и Валента, стали церковным меньшинством, превратились в оппозицию и были лишены влиятельной роли в церковной жизни.

Значительное отрицательное воздействие на внутрицерковную жизнь оказывала догматическая деятельность Западной церкви, с безмолвного согласия которой на теологическую арену вышли сирмийские формулы вероисповедания, стимулирующие деятельность крайнего течения антиникейской оппозиции [3, с. 127-132]. Этот текст был результатом дипломатического соглашения с целью вовлечения всех противоборствующих сторон.

Разумеется, данная формулировка не могла не вызвать сопротивления, которое развернулось на Анкирском соборе 358 г., важной исторической и вероучительной ролью которого было провозглашение теологии подобносущия, ставшей одним из радикальных шагов на пути к утверждению никейской веры [Там же, с. 374]. В рамках тринитарной теологии формирование этого догматического движения можно считать переломным, поскольку, провозгласив формулу о подобии Сына Отцу по существу, подобносущники сделали решающий

шаг на пути к окончательному подавлению крайних течений антиникейской оппозиции. На этот факт указывает Афанасий Александрийский, который в подобносущной догматической системе выделяет два основополагающих принципа, а именно: «Сын подобен Отцу не только по энергии, но и по сущности» и «Бог родил Сына не только по своему хотению, но и по своей сущности» [4, с. 107]. Тем самым Анкирский собор стал одним из радикальных шагов на пути к преодолению различных антитринитарных «символов веры» [2, с. 57].

Хотя в 60-е гг. IV столетия на христианском Востоке прекратились бурные и страстные соборы, излагающие символы веры, церковная жизнь этого времени продолжала воспроизводить догматические формулы. Константинопольский собор 361 г. в качестве «истинного принципа вероисповедания» провозгласил кредо богословия омиев: «Сын Бог подобен родившему Его Отцу» [4, с. 107], то есть символ веры о не сущностном, а простом тождестве между Отцом и Сыном. Подтвердив невозможность любого теологического решения, трактующего подобие, Константинопольский собор постановил не использовать термины «сущность» (*οὐσία*) и «ипостась» (*ὑπόστασις*), утверждая, что они не являются библейскими, следовательно, не могут быть понятиями также верующим. Однако сторонники этой догматической формулировки, построенной на основе взаимного согласия, на практике действовали «путем уступок и молчаливого соглашения с требованиями жизни, потому что всякая другая политика могла бы подорвать их собственную позицию» [5, с. 455]. Это и привело к радикальному сопротивлению подобносущников в отношении этого религиозного нововведения, что также стало причиной расколов. Радикальные представители течения были отправлены в ссылку, часть перешла в стан никейцев, консервативная же часть составила относительное меньшинство.

Историко-догматический контекст Константинопольского собора тесно связан также с религиозной политикой государственной власти 60-х гг. IV века. Тринитарное богословие омиев своим кратковременным историческим существованием обязано покровительству императоров Констанция и Валента. Естественно, что толерантная религиозная политика Юлиана стала причиной упадка омиев, но падение омиевства было обусловлено также духовными факторами. Этому процессу существенно способствовали епископы нового поколения сравнительно умеренных взглядов [Там же, с. 335], которые в новых условиях, характеризующих внутрицерковную жизнь, сделали попытку решить спорные догматические вопросы внутренними средствами. Постепенно превалирующим становится стремление отказаться от умозрительных решений и религиозных «нововведений» и решить догматические проблемы с позиций церковной традиции. Однако эти догматические стремления на вероучительном поле потерпели поражение по причине сопротивления со стороны омиев и покровительствующей им государственной власти.

Антиохийский собор 363 г. заложил основу для деятельности никейцев нового поколения. Этому процессу придавал стимул также политика гонений императора Юлиана. Усилия Юлиана по возрождению язычества были напрямую связаны с будущим христианства, и они заставили Церковь и духовное сословие пересмотреть практику догматических споров, в результате чего первоочередным в Церкви стало стремление к единению. Эти тенденции обусловили постепенный подъем никеанства. То же касалось политики Юлиана по разобщению Церкви изнутри [4, с. 157]. Она предполагала, что изгнанные епископы, возвратившись на свои прежние кафедры, дадут начало новым противоречиям и расколам канонического характера, что на фоне догматических разногласий может полностью разобщить Церковь. Однако вызванные из ссылки епископы были защитниками церковных интересов, и благодаря их деятельности внутри конкурирующих догматических течений произошло «распределение ролей», и никейцы, подвергающиеся гонениям уже три с половиной десятилетия, постепенно восстанавливали свое былое влияние.

Этот процесс опосредованно был стимулирован также равнодушным отношением Юлиана к Церкви. Если раньше антиникейские религиозные течения имели поддержку императорской власти, то при Юлиане, лишившись этой поддержки, они вынуждены были в борьбе с никеанством полагаться лишь на собственные силы. И так как у них никогда не было большого числа последователей, они шли к упадку своей веры. Аналогичная ситуация была и в период правления императора Иовиана. Хотя церковные летописцы считали его «последователем никеанства» [Там же, с. 163], однако это утверждение не является обоснованным, так как он вел толерантную религиозную политику и по отношению к догматическим партиям эпохи проявлял взвешенный подход.

В период правления Иовиана Антиохийский собор 363 г. сделал значительный шаг в сторону преодоления антитринитаризма и провозгласил близкий к никейскому православию символ веры о том, что «Сын рожден из существа Отца и подобен Отцу по существу» [3, с. 176]. Однако при его правлении в Церкви беспрепятственно действовали все догматические партии эпохи, и этот поворот «совершался в глубине церковной жизни и мало чем давал знать о себе на поверхности ее» [5, с. 453]. Еще одним доказательством веротерпимой политики императора является требование достичь солидарности между аномеями и подобносущниками [4, с. 163], а также требование к никейцам и арианам, чтобы они «оставили свою страсть к состязанию» [Там же, с. 283-284].

Упорство подобносущников в 365 г. стало причиной нового рескрипта императора Валента, который считается правовым текстом религиозной политики императора. Он предписывал изгнать с кафедр всех епископов, которые были низвержены в период правления Констанция и восстановлены на своих кафедрах во времена Юлиана. Этим в середине 60-х гг. IV века внутренняя жизнь Восточной церкви практически вернулась к своему исходному состоянию – к состоянию в последние годы правления Констанция.

Чтобы противостоять преследованиям, епископы-омоиусиане «с целью разработки общего плана действий» созвали соборы в Измире, Писидии, Исаврии, Памфилии, Ликийи и Лампсаке [Там же, с. 176-177]. Не получив какого-либо содействия на Востоке, они обратились за помощью к Западу. Послы подобносущников по предложению римского епископа Либерия подписали Никейский символ веры и представили первосвященнику

Рима крайне близкое к Никейскому символу веры «письменное изложение своей веры», где теология единосушца трактовалась формулировкой «подобный по существу» [Там же, с. 176-180]. С позиций никейской веры они отлучили также Ария, Савеллия, патрипассиан (монархистов-модалистов), фотиниан, маркеллиан, Павла Самосатского, а также «вероисповедание, утвержденное на арианском соборе в Нике» [Там же, с. 178], то есть всех еретиков, полагающих, что Христос Бог подлежит изменению. Этот новый символ веры подобносушников свидетельствует о факте вероисповедальных изменений внутри этого догматического течения. Большое значение имело и то, что шестьдесят четыре епископа-омоусианца [Там же] перешли в стан никейцев, и этим в посленикейской истории впервые в Церкви утвердился перевес сторонников теологии единосушца.

В этом контексте в 60-е гг. IV века самым важным догматическим событием стали постановления Александрийского собора 362 г., в котором приняли участие представители наиболее влиятельных антиарианских течений (никейцы, подобносушники и аполлинарии). Главной историко-догматической миссией собора явилось установление единства вероисповедания, у истоков которого стояли поборники православия Афанасий Великий и Иларий Пиктавийский.

Собор придал особое значение двум основополагающим принципам в тринитарном богословии омоусиан: «Сын Бог подобен Богу Отцу не только по энергии, но и по существу» и «Бог Отец родил Сына не только по своему хотению, но и по своей сущности» [3, с. 147]. На этом основании Афанасий Александрийский, посчитав допустимым, что при последовательной трактовке термины «единосушние» и «подобносушние» могут быть использованы в качестве синонимов, и с целью установления единства вероисповедания подтвердил, что подобносушники своей формулой о том, что Бог Слово «во всем подобен» Отцу Богу, в том числе и «по сущности», уже подтверждают, что слова «рождение» и «единосушние» используются как равнозначные термины, следовательно, на практике они согласны, что Отец и Сын Бог единосушны [Там же].

На Соборе материалом особого рассмотрения стал вопрос Аполлинария и аполлинаризма, и так как в антиарианской борьбе они неизменно стояли в рядах православных никейцев, архиепископ Александрийский предложил в триадологическом вопросе солидаризироваться с аполлинариями, проявить сдержанное отношение к ним, «не осуждать поспешно, и не отвергать» [Там же, с. 171].

Ключевым моментом теологических обсуждений Собора стали триадологические вопросы, в частности восстановление авторитета никейской догматики, корректировка терминов «сущность» и «ипостась» применительно к Святой Троице, а также православная пневмотологическая трактовка. Подтвердив, что отвергнуть тринитарные ереси и сохранить православие можно только «исключительным авторитетом» Никейского символа веры [Там же, с. 167], в теологических обсуждениях о Св. Духе на основе решений Афанасия Великого [Там же, с. 3-49] Собор «предал анафеме утверждающих, что Дух Святой есть тварь», и провозгласил ортодоксальное учение о том, что «Дух Святой не отделен от сущности Христовой», что «Дух Бог не отделен от божественной сущности» и, следовательно, «единосушен Отцу и Богу Сыну» [Там же, с. 167].

Еще одна попытка утвердить вероучительную гармонию была сделана Восточными епископами после их возвращения с Сицилианского собора. Подобносушники, провозгласившие «никейское учение о единосушии», совершили принципиальный шаг вперед для восстановления разорванных связей с Западом [4, с. 180]. В ознаменование этого события в 367 г. в городе Тиане был созван Собор восточных епископов, в работе которого участвовала также большая часть епископов, придерживающихся антиарианских и антианомейских позиций. Здесь было принято решение созвать другой собор в киликийском городе Тарсус, однако осуществить его не удалось, так как император Валент запретил созывать новый Собор. В результате усилия Восточной церкви, направленные на окончательную победу Никейского символа веры, временно были приостановлены [Там же].

Тем не менее на Востоке полностью прекратился этап соборных обсуждений, и, начиная с Тианского собора 367 г. вплоть до 378 г. (смерть императора Валента) и провозглашения новой религиозной политики императором Феодосием Великим, на поприще догматической деятельности не было зафиксировано какого-либо значимого события. В конце 70-х гг. IV века как на христианском Востоке, так и на Западе победа никейской ортодоксии стала окончательной, и только усилиями государственной власти сохранялись малочисленные антиникейские дворцовые подобники, уже не имеющие какого-либо влияния в Церкви.

В конце 60-х гг. IV века восточная теологическая мысль, обойдя характерную для предыдущего десятилетия страстную и непримиримую практику догматических споров, замкнулась в себе и перешла на глубинную деятельность – приняла позицию никейства. После Сардикийских соборов впервые христианский Восток и Запад без какого-либо вмешательства со стороны восстановили церковные связи.

Таким образом, в 60-70-е гг. IV века самым важным событием внутрицерковной жизни и догматических споров был хотя и медленный, но бесповоротный переход на позиции никейства. Это свидетельствует о том, что в данный исторический период антитринитаризм уже полностью исчерпал себя.

Список источников

1. Лебедев А. П. Вселенские Соборы IV и V веков. СПб., 1904. 374 с.
2. Самуилов В. Н. История арианства на латинском Западе (353-430). СПб., 1890. 101 с.
3. Свят. Афанасий Великий. Послание о соборахъ, бывшихъ въ Ариминъ италійскомъ и въ Селевкии исаврійскомъ. Творения в четырех томах. М., 1994. Т. III. 524 с.
4. Сократ Схоластик. Церковная история: в 7-ми кн. М.: РОССПЭН, 1996. Кн. 2. 368 с.
5. Спаский А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1914. Т. 1. 649 с.

DOGMATIC DISPUTES IN THE CHRISTIAN CHURCH IN THE 60-70S OF THE IV CENTURY

Ogannisyan Ogannes Vaagovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Yerevan State University
hovhannisyan.hovhannes@ysu.am

The article considers the Trinitarian disputes of the 60-70s of the IV century. It is emphasized that the Trinitarian dogmatic factions of the epoch, trying to clarify the mystery of the consubstantiality of God the Father and the Logos-Son, used a special philosophical and theological language, distinguished by its peculiarity. The author examines the main Trinitarian notions and compares the ways in which they are used by different theological factions. On the basis of a system analysis of the church historical material it is shown that the competing dogmatic parties of the epoch under study delimited in the understanding of the fundamental Trinitarian terms “οὐσία” and “ὑπόστασις” and basically used these terms as antipodes, which was the difficulty of the interpretation of the Trinitarian issues of the epoch. The author expresses the view that in the 60-70s of the IV century the Greek Orthodox Patriarchate of Alexandria and all Africa of 362 and the Synods of Antioch of 363 were of fundamental importance, thanks to the decisions of which a decisive step was taken in the process of clarification and formulation of the Trinitarian dogma about the consubstantiality of God the Father and Jesus Christ.

Key words and phrases: Trinitarian theology; local Cathedrals; Heterousian; kinship by nature; consubstantiality (ὁμοούσιον); sonship of Christ; essence (οὐσία); hypostasis (ὑπόστασις); homoiousia (ὁμοιουσία).

УДК 78.072.3

Искусствоведение

В статье рассматривается история создания знаменитого балета «Дон Кихот», который входит в классический репертуар театров России и зарубежья. Кроме этого, впервые рассмотрен вопрос об авторской принадлежности музыки современных постановок «Дон Кихота», а именно редакции, которая идет на сцене Большого театра в Москве. Дана сравнительная характеристика клавиров XIX и XX столетий и выявлены ранее неизвестные факты об авторской принадлежности отдельных номеров.

Ключевые слова и фразы: Людвиг Минкус; Мариус Петипа; балет «Дон Кихот»; музыка в балете; музыкальная жизнь в России во второй половине XIX века; музыкальный театр.

Панова Елена Владимировна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
len_pan@mail.ru

БАЛЕТ «ДОН КИХОТ». СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗДАНЫХ КЛАВИРОВ «ДОН КИХОТА». ПРОБЛЕМА АВТОРСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ФРАГМЕНТОВ БАЛЕТА В РАЗЛИЧНЫХ РЕДАКЦИЯХ

Творческий союз хореографа Мариуса Петипа и композитора Людвиг Минкуса был необычайно плодотворен. За пятнадцатилетний период совместной работы в Императорских театрах России второй половины XIX века ими было создано шестнадцать крупных балетов. Кроме того, порядка десяти балетов других авторов были ими переработаны и обрели новые сценические и музыкальные редакции. Ярким результатом этого содружества стала уже первая оригинальная совместная работа Петипа и Минкуса – балет «Дон Кихот», премьера которого состоялась в Москве на сцене Большого театра 14 декабря 1869 года. Подготовка к премьере «Дон Кихота» проводилась в очень сжатых временных рамках. Несмотря на эти неблагоприятные для постановочного процесса условия, «Дон Кихот» стал в полном смысле этого слова спектаклем новой формации в русском балетном театре второй половины XIX века. Никогда еще обращение отечественных композиторов и хореографов к стилизованному испанскому танцевальному фольклору не было столь успешным. В то же время фольклорно-национальное в музыке и танцах «Дон Кихота» не нарушает основных драматургических принципов балетного спектакля того времени, а органично дополняет и обогащает их. В частности, А. Я. Левинсон подчеркивал: «...соединения действия и классического танца у Петипа не исчерпывается двумя моментами – пантомимой и классическими танцами, – черпает краски и содержание также из источника этнографического наблюдения...» [4, с. 137]. Петипа узнал и полюбил Испанию еще в ранние годы жизни, когда гастролировал в этой стране как танцовщик. В «Дон Кихоте» эти впечатления молодости нашли свое яркое творческое воплощение. Балетмейстер не просто тонко чувствовал национальный колорит испанского танца; он и сам «плясал и владел кастаньетами не хуже настоящего андалузца» [8, с. 31]. Для Петипа испанские танцы были «откровенным проявлением страсти» [Там же, с. 32].

Мысль о создании балета по роману Сервантеса посещала хореографов еще с середины XVIII века. Так, великий реформатор мирового балетного искусства Ж. Новерр поставил одноименный балет в Вене в 1768 году. В Москве предшественником «Дон Кихота» Петипа был балет Фелицаты Гюльень-Сор¹ (1805-?) «Дон Кихот

¹ Фелицата Гюльень-Сор – балерина, балетмейстер и педагог, представительница французской школы классического танца, сыгравшая большую роль в формировании Московской балетной школы.